

Улыбина Е.В. Связь отношения к телу с гендерными характеристиками в юношеском возрасте

English version: [Ulybina E.V. The relationship between body image and gender characteristics in youth \[Full text\]](#)

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Рассматриваются связи показателей удовлетворенности телом и оценки влияния тела на качество жизни с гендерной идентичностью и уровнем фемининности и маскулинности у юношей ($n = 115$) и девушек ($n = 99$) студенческого возраста. Полученные результаты показали отсутствие связи отношения к телу с уровнем гендерной идентичности, наличие положительной связи маскулинности и оценки влияния тела на качество жизни в целом по выборке и положительной связи оценки влияния тела на качество жизни с маскулинностью и фемининностью у гендерно типизированных субъектов. Удовлетворенность телом во всех случаях связана с самооценкой. Самооценка у юношей и девушек прямо связана со сходством с мужской гендерной группой, а у юношей и с маскулинностью.

Ключевые слова: отношение к телу, гендер, гендерные характеристики, гендерная идентичность

Как показывают многочисленные исследования, женщины проявляют большее внимание к внешности, чем мужчины [Brown et al., 1990; Cash et al., 2004] и в большей степени не удовлетворены образом тела [Feingold, Mazzella, 1998; Field et al., 1997; Garner, 1997; Muth, Cash, 1997; Grogan, 1999; Thomas et al., 2000; Cusumano, Thompson, 2000; Barker, Galambos, 2003; Schooler, Ward, 2006; Durkin, Paxton, 2002; Pasha, Golshekoh, 2009]. Согласно [Fallon, Rozin, 1985], 33% мужчин и 70% женщин оценивают свое реальное тело как очень далекое от идеала. Различия объясняются культурными факторами. За последние 50 лет число женщин, не удовлетворенных телом, «драматически увеличилось» [Feingold, Mazzella, 1998].

Согласно социокультурной модели отношение к внешности вообще и недовольство внешностью в частности – это результат навязанных нереалистических стандартов, транслируемых, в том числе, журналами и телевизионными передачами [Hargreaves, Tiggemann, 2006; Levine et al., 1994; Jones et al., 2004; Pasha, Golshekoh, 2009]. Как показывают многочисленные исследования [Баранская, 2009; Ребеко, 2010; Jones et al., 2004; Dohnt, Tiggemann, 2006; Featherstone, 1999, 2010; Gimlin, 2007; Jones, 2004; McCabe, Ricciardelli, 2003; Presnell, Bearman, Stice, 2004] в последние десятилетия проблема недовольства собственным телом и желание его изменить постоянно увеличивает свою значимость.

Современная западная культура укрепляет убеждение мужчин и женщин в повышенной ценности физической, значимости телесного совершенства и неявно поощряет приравнивать привлекательную внешность к общей ценности себя и других [Dohnt, Tiggemann, 2006]. Существующее в современном обществе отношение к телу заставляет человека сравнивать себя со стандартами, задаваемыми идеальными образцами, продуцируемыми рекламой и модной индустрией.

Однако само внимание к телу и недовольство им обладает достаточной универсальностью по отношению к смене культур. Стремление к изменению внешности можно наблюдать практически во всех культурах на протяжении многих веков исторического развития. Задолго до появления модных

журналов и рекламных плакатов мужчины и женщины наносили на тело ритуальные шрамы, татуировки, подпиливали зубы и разрисовывали лицо, а желание привести свой внешний вид в соответствие с идеалом, с тем, «как принято», считалось естественным. Интерес к собственной внешности также не является специфически женским. В архаических культурах мужчины изменяли и украшали свое тело не меньше, а во многих случаях больше, чем женщины. До XIX века в Европе наряды мужчин были яркими и пышными. И сегодня западная культура требует от мужчин повышенной физической силы, мускулистого тела и больших размеров во всем. Это может быть вполне достаточным основанием для глубокого недовольства внешностью, и действительно, мужчины во многих случаях испытывают неудовлетворенность своим ростом, весом, размером мышц и половых органов [Cohane, Pope, 2001; Hargreaves, Tiggemann, 2006; Jones et al., 2004; Cafri, Thompson, 2004; McCabe, Ricciardelli, 2004; Morrison et al., 2004; Schooler, Ward, 2006].

Но, тем не менее, мужчины гораздо больше удовлетворены телом, чем женщины. Это может быть связано с тем, что, как показывают исследования [Jones et al., 2004; Pasha, Golshekh, 2009; Cusumano, Thompson, 2000], юноши менее подвержены влиянию образов, транслируемых СМИ, сравнивая себя прежде всего со сверстниками из своего реального окружения, и ориентируются на их мнения. Юноши больше, чем девушки, чувствительны к критике со стороны сверстников [Jones et al., 2004], что, возможно, объясняет большую связь ориентации на сходство с другими мужчинами с отношением к телу, и, в результате, большую, чем у женщин, удовлетворенность внешностью за счет сравнения себя с реальными, а не идеальными образами.

Как предполагается, одним из факторов, определяющих большую восприимчивость женщин к воздействию культуры, могут быть гендерные характеристики.

В настоящее время принято использовать широкий набор терминов, отражающих различные аспекты межполовых различий. Речь может идти о людях с различным паспортным полом, биологическим полом, различной гендерной идентичностью и обладающих разной выраженностью фемининности и маскулинности и пр.

Паспортный пол – это пол, указанный в документах и определяющий многие формальные стороны социального положения человека, включая его права. Паспортный пол задает принадлежность индивида к социальной группе мужчин и женщин с формальной стороны, независимо от степени психологического отождествления с данной группой и, в отличие от гендерной идентичности, имеет не континуальную, а дискретную границу. В большинстве случаев паспортный пол совпадает с биологическим, однако известны случаи и расхождения паспортного и биологического пола.

Гендерная идентичность понимается как отождествление себя с определенной гендерной группой, признание своего преимущественного сходства с мужчинами или женщинами [Клецина, 1998; Бендас, 2000; Бэрн, 2001; Unger, 1979]. В этом случае гендерная идентичность рассматривается как культурный конструкт, не имеет универсальной содержательной психологической специфики и ее уровень определяется самим субъектом. Уровень гендерной идентичности – континуальная величина, человек может находить в себе черты сходства и с гендером паспортного пола, и другим гендером в разных пропорциях.

В настоящее время европейская культура переживает процессы изменения гендерных норм и слома полоролевых стереотипов. Меняются формы жизни мужчин и женщин, разрушается четкое представление о различии мужских и женских гендерных ролей. При утрате прочности поведенческих и психологических оснований гендерной идентичности внешность, телесный облик остается важнейшим элементом гендерной дифференциации, одним из значимых критериев оценки тела выступает оценка его как «женского» или «мужского». Человек, идентифицирующий себя с группой мужчин и женщин, будет, в частности, соотносить свое поведение и внешний облик с тем, что считается присущим мужчинам или женщинам в данной культуре. «Распространенное стремление совершенствовать биологические половые различия, делая тела даже более «мужскими» или более «женскими» по внешности, чем это было отпущено природой, свидетельствует, насколько велико воздействие гендерно поляризующей линзы на восприятие и конструирование себя» [Бэм, 2004, с. 222]. При смене пола люди стремятся не только изменить запись в паспорте, но и изменить внешность в соответствии с новым гендером. Это позволяет предположить, что гендерная идентичность как уровень сходства с типичным представителем своего гендера прямо связана с

оценкой значимости тела и удовлетворенностью телом.

Содержательные психологические различия мужчин и женщин отражаются в понятиях фемининности и маскулинности. Л.Терман, создавая первый опросник для измерения фемининности–маскулинности, исходил из предположения о «естественной», сущностной природе психологических различий мужчин и женщин и наличия комплекса черт, которые отражают эти различия «как они есть на самом деле». Но в 70-е годы С.Бэм предложила свою модель соотношения маскулинности и фемининности, понимаемых как результат закрепившихся в культуре представлений о различии полов. Ее опросник был построен на основе мнения экспертов о том, какие качества обычно считаются желательными для мужчин и женщин «в американском обществе в целом» в середине 70-х годов XX века. Согласно Бэм, фемининность и маскулинность представляют собой схемы, задающие восприятие любых стимулов (людей, животных, предметов, видов деятельности, черт характера) как преимущественно мужских или женских и служащие основанием решать на основе гендера, какие личностные характеристики должны быть связаны с Я-концепцией субъекта, а какие должны быть отделены [Вет, 1982].

Содержание черт, входящих в измерение маскулинности, характеризует, в частности, степень активности человека, его уверенность в себе и независимость, ориентацию на преобразование ситуации, что может повышать и оценку влияния тела на качество жизни, и удовлетворенность телом.

Черты, входящие в состав измерения фемининности, включают в себя характеристики, связанные с умением уступать, вниманием к людям, заботой и другими качествами, предполагающими ориентацию на оценку других и зависимость от этой оценки. Существующие исследования показывают, что фемининность [Paxton, Sculthorpe, 1991; Dionne et al., 1995] и нежелательность маскулинности [Lancelot, Kaslow, 1998] у женщин прямо связаны с риском пищевых нарушений. Более инструментальные (маскулинные) индивиды были более удовлетворены телом [Gillen, Lefkowitz, 2006]. Были найдены значимые обратные корреляции между оценкой маскулинности и уровнем дисморфофобии для обоих гендеров. Незначимые корреляции были выявлены между уровнем фемининности и дисморфофобией для мужчин и женщин [Woodiea, Fromuth, 2009].

Отношение к телу – это один из аспектов самооотношения, тесно связанный с самооценкой субъекта. Общая уверенность в себе увеличивает удовлетворенность телом [Соколова, 1989, Черкашина, 2010, Henderson-King, Henderson-King, 1997], но, как показывают исследования, и реальное изменение параметров тела в желаемую сторону повышает самооценку [Abel, Richards, 1996; Connors, Casey, 2006]. Это позволяет предположить, что связь отношения к телу с гендерными характеристиками опосредована самооценкой.

Гипотезы

1. Влияние тела на качество жизни и удовлетворенность телом прямо связаны с уровнем субъективного сходства с представителями своей гендерной группы у юношей и у девушек.
2. Маскулинность прямо связана с удовлетворенностью телом и с оценкой влияния тела на качество жизни, а фемининность – обратно связана с этими характеристиками.
3. Вклад гендерных характеристик в отношение к телу опосредован самооценкой.

Выборка и методы исследования

Выборка – 214 человек (115 юношей, 99 девушек), студенты разных специальностей различных вузов Москвы, средний возраст – 20,2 лет. Материал был собран в ходе выполнения дипломной работы Е.Г.Кикоиной (Институт психологии, Российский государственный гуманитарный университет – ИП РГГУ) и курсовой работы Е.Шемаковой (ИП РГГУ).

Для измерения отношения к телу использовались опросники SIBID (ситуативная

неудовлетворенность телом) и BIQLI (влияние образа тела на качество жизни), которые были разработаны Т.Кэшем [Cash, Pruzinsky, 1990; Cash et al., 2004] и адаптированы Л.Т.Баранской, А.Е.Ткаченко и С.С.Татауровой для российской выборки в 2008 г.

Опросник SIBID был создан в 1994 г. для оценки неудовлетворенности телом в определенных ситуациях (например, когда необходимо встать на весы, посмотреть на себя в зеркало, при общении с внешне привлекательными людьми и т.д.). Считается, что различные жизненные ситуации вызывают разные эмоциональные переживания по поводу своего тела, что, в конечном счете, формирует общую оценку своей внешности.

Опросник BIQLI был разработан в 2002 году для выявления субъективной оценки положительного или отрицательного влияния образа тела на качество жизни. Опросник позволяет измерять влияние воспринимаемого индивидом образа тела на различные сферы жизнедеятельности (например, самооощение, социальное функционирование, физическая активность и т.д.) и воздействия образа тела на 19 различных сфер жизнедеятельности человека.

Для оценки гендерных характеристик использовалась модификация методики С.Бэм «Анкета половых ролей» (BSRI). Респондентам предоставлялся список качеств из этой методики и предлагалось оценить: 1) выраженность качеств у себя самого; 2) желательность каждого качества; 3) выраженность каждого качества у типичной женщины и 5) выраженность каждого качества у типичного мужчины. Для оценки использовалась 5-балльная шкала.

Данная модификация позволяла получить, в частности, следующие показатели:

- 1) уровень самооценки как корреляцию оценок образа Я и оценок желательности качеств;
- 2) уровень идентичности с женским гендером как корреляцию образа Я и образа типичной женщины;
- 3) уровень идентичности с мужским гендером как корреляцию образа я и образа типичного мужчины;
- 4) уровень «объективной фемининности», подсчитав среднюю оценку образа Я по шкалам, выделенным С.Бэм как фемининные;
- 5) уровень объективной маскулинности, подсчитав среднюю оценку образа Я по шкалам, выделенным С.Бэм как маскулинные;
- 6) уровень желательности фемининности как среднюю оценку желательности качеств, выделенных С.Бэм как фемининные;
- 7) уровень желательности маскулинности как среднюю оценку желательности качеств, выделенных С.Бэм как маскулинные;
- 8) уровень желательности сходства с типичной женщиной как корреляцию образа типичной женщины и оценок желательности качеств;
- 9) уровень желательности сходства с типичным мужчиной как корреляцию образа типичного мужчины и оценок желательности качеств.

Показатели биологического пола в исследовании не учитывались.

При *обработке данных* использовался пакет статистических программ SPSS 15.0.

Результаты

Среднее значение показателей BIQLI у девушек $M = 1,33$, $SD = 0,78$, у юношей $1,11$, $SD = 0,70$, распределение соответствует нормальному. Для женщин нормативное значение показателей BIQLI, приводимое Т.Кэшем, равняется 1, при $SD = 1,09$, для мужчин $M = 1,24$, $SD = 0,99$. У девушек уровень влияния тела на качество жизни выше, чем у юношей (критерий Стьюдента $t = 2,12$, $p = 0,035$).

У девушек среднее значение показателей SIBID равно $1,129$, $SD = 0,62$ при норме $M = 1,8$, $SD = 0,90$. У юношей $M = 0,769$, $SD = 0,579$ при норме $M = 1,17$, $SD = 0,76$. Распределение соответствует нормальному. Уровень ситуативной неудовлетворенности образом тела у девушек значимо выше, чем у юношей ($t = 6,311$, $p = 0,000$).

Гендерная идентичность определялась по уровню сходства (корреляции) образа Я с образами

типичной женщины и типичного мужчины. В целом по группе среднее значение сходства с типичной женщиной равно 0,103, SD = 0,265. Среднее значение корреляции с образом типичного мужчины равно 0,189, SD = 0,278.

Девушки отмечают значимо большее сходство с типичными женщинами ($t = 3,88, p = 0,000$), чем с типичными мужчинами при $M = 0,234, SD = 0,265$ для сходства с женщиной и $M = 0,082, SD = 0,243$ для сходства с мужчиной. Юноши отмечают значимо большее сходство с типичными мужчинами, чем с типичными женщинами ($t = 8,829, p = 0,000$) при $M = 0,280, SD = 0,275$ для сходства с мужчинами и $M = -0,008, SD = 0,218$ для сходства с женщинами. Однако по выборке в целом уровень сходства респондентов с мужской гендерной группой значимо выше сходства с женской ($t = -2,900, p = 0,004$).

У юношей и девушек различается и отношение к своей гендерной группе. Отношение к гендерным группам определялось на основе корреляции оценок желательности качеств с оценками образов типичного мужчины и типичной женщины. В целом по выборке среднее значение желательности черт типичной женщины равно 0,172, SD = 0,255, типичного мужчины – 0,215, SD = 0,21.

Желательность качеств, приписываемых мужчине, значимо выше, чем качеств, приписываемых женщине ($t = 9,091, p = 0,000$). Для девушек желательность черт типичной женщины не отличается значимо от желательности черт типичного мужчины ($t = -1,285, p = 0,20$) при $M = 0,173, SD = 0,256$ для образа женщин и $M = 0,215, SD = 0,210$ для образа мужчины. Мужчине приписываются несколько более желательные черты, чем женщине, но различие незначимо. Привлекательность мужских черт для юношей значимо выше привлекательности женских ($t = 11,570, p = 0,000$), $M = -0,315, SD = 0,266$ для образа мужчины и $M = -0,03, SD = 0,241$ для образа женщины. Девушки, отмечая сходство со своей гендерной группой, не считают образ типичной женщины более привлекательным для себя, чем образ типичного мужчины.

Уровень выраженности фемининности и маскулинности определялся как средняя оценка по шкалам, выделенным С.Бэм как фемининные и маскулинные. В группе девушек среднее значение фемининности $M = 3,469, SD = 0,483$, маскулинности $M = 3,29, SD = 0,542$. Уровень фемининности значимо выше, чем уровень маскулинности ($t = 2,469, p = 0,015$).

В группе юношей среднее значение фемининности равно 3,15, SD = 0,446, маскулинности 3,469, SD = 0,598. Уровень маскулинности у юношей значимо выше, чем уровень фемининности ($t = 4,869, p = 0,000$). В целом по выборке различие в выраженности маскулинных и фемининных качеств незначимо ($t = 1,732, p = 0,084$).

Однако в целом по группе маскулинные качества оцениваются как более желательные, чем фемининные ($t = 13,144, p = 0,000$). Для девушек желательность маскулинных качеств значимо выше, чем желательность фемининных качеств ($t = 5,038, p = 0,000$), для юношей маскулинные качества также более желательны, чем фемининные ($t = 14,045, p = 0,000$). Девушки, отмечая большее сходство с женщинами и большую выраженность фемининности, считают маскулинность более желательной, чем фемининность, а сходство с мужчинами в той же степени желательным, что и сходство с женщинами. Во всех случаях распределение показателей соответствует нормальному.

Уровень самооценки определялся как уровень корреляции оценок образа я с оценками желательности каждого из 60 качеств. Распределение значений в целом по группе и в подгруппах юношей и девушек не соответствует нормальному, $M = 0,489, SD = 0,225$. Уровень самооценки девушек незначимо ниже уровня самооценки юношей (критерий Манна–Уитни $U = 109, p = 0,144$).

Для анализа вклада гендерных характеристик в выраженность показателей отношения к телу была использована пошаговая множественная регрессия, в которую в качестве предикторов были включены показатели самооценки и гендерные характеристики: паспортный пол, сходство с образом типичного мужчины и типичной женщины, маскулинность и фемининность.

Результаты регрессионного анализа показали, что уровень влияния тела на качество жизни (BIQLI) может быть предсказан на основании уровня маскулинности ($\beta = 0,262, t = 3,587, p = 0,000$) и самооценки ($\beta = 0,199, t = 2,860, p = 0,004$), $R^2 = 0,160$. Фактор пола не вносит значимого вклада в предсказываемые значения показателей BIQLI, которые связаны с уровнем маскулинности и с

уровнем самооценки вне зависимости от паспортного пола испытуемых. У юношей уровень BIQLI связан только с маскулинностью ($\beta = 0,247$, $t = 2,511$, $p = 0,003$), $R^2 = 0,250$, а у девушек – только с самооценкой ($\beta = 2,511$, $t = 2,511$, $p = 0,013$), $R^2 = 0,07$. У юношей чем выше маскулинность, тем выше оценка влияния тела на качество жизни, у девушек – чем выше самооценка, тем выше влияние тела.

Удовлетворенность телом (SIBID) предсказывается ($R^2 = 0,312$) на основании самооценки ($\beta = -0,402$, $t = -7,050$, $p = 0,000$) – люди с низкой самооценкой демонстрируют большую неудовлетворенность телом и пола испытуемых ($\beta = -0,368$, $t = -6,464$, $p = 0,000$) – девушки со значимо большей вероятностью неудовлетворенны внешностью. SIBID связана с гендерными характеристиками только при учете паспортного пола.

У юношей показатели SIBID обратно связаны только с самооценкой ($\beta = -0,522$, $t = -6,521$, $p = 0,000$), $R^2 = 0,267$. У девушек показатели SIBID тоже обратно связаны с самооценкой ($\beta = -0,345$, $t = -3,63$, $p = 0,000$), $R^2 = 0,11$ при несколько меньшем, чем у юношей, уровне вероятности предсказания результатов.

Для анализа особенностей отношения к телу у гендерно полярных людей выборка была разделена на подгруппы с преобладанием фемининности над маскулинностью и преобладанием маскулинности над фемининностью.

Регрессионный анализ показал, что у испытуемых с преобладанием фемининности над маскулинностью (19 юношей и 38 девушек) уровень показателей BIQLI предсказывается только уровнем фемининности ($\beta = 0,433$, $t = 3,773$, $p = 0,000$), $R^2 = 0,296$. Показатели паспортного пола незначимы. Чем выше фемининность, тем выше влияние тела на качество жизни и у юношей, и у девушек. Показатели SIBID связаны с самооценкой ($\beta = -0,502$, $t = -4,204$, $p = 0,000$) и с полом ($\beta = -0,322$, $t = -2,504$, $p = 0,015$), $R^2 = 0,272$. Чем выше самооценка, тем ниже неудовлетворенность телом. У юношей неудовлетворенность телом ниже, чем у девушек.

У испытуемых с преобладанием маскулинности над фемининностью (15 девушек, 58 юношей) показатели BIQLI связаны только с маскулинными качествами ($\beta = 0,522$, $t = 5,153$, $p = 0,000$), $R^2 = 0,261$. Чем выше маскулинность, тем выше влияние тела на качество жизни. Показатели SIBID – с самооценкой ($\beta = -0,434$, $t = -4,253$, $p = 0,099$) и паспортным полом ($\beta = -0,258$, $t = -2,525$, $p = 0,014$), $R^2 = 0,28$. Чем выше самооценка, тем ниже неудовлетворенность телом. У юношей неудовлетворенность телом ниже, чем у девушек.

У гендерно полярных субъектов уровень показателей BIQLI прямо связан с фемининностью у фемининных и маскулинностью у маскулинных. Показатели SIBID с гендерными характеристиками не связаны.

Это позволяет говорить, что показатели BIQLI прямо связаны с фемининностью и маскулинностью у гендерно типизированных людей. У юношей связь показателей BIQLI с маскулинностью присутствует, а у девушек связь с фемининностью – отсутствует.

Для определения вклада в самооценку юношей и девушек отдельных гендерных характеристик была использована пошаговая множественная регрессия, в которой в качестве предикторов выступали: фемининность, маскулинность, желательность фемининности и маскулинности, оценка фемининности образа типичной женщины, фемининности типичного мужчины, маскулинности типичной женщины, маскулинности типичного мужчины, оценка сходства с типичным мужчиной и типичной женщиной, желательность сходства с типичным мужчиной и типичной женщиной, маскулинные и фемининные качества типичной женщины, фемининные и маскулинные качества типичного мужчины, уровень сходства образов типичного мужчины и типичной женщины.

Результаты регрессии показали, что у юношей самооценка может быть предсказана уровнем сходства с образом типичного мужчины ($\beta = 0,373$, $t = 4,151$, $p = 0,000$) и выраженностью маскулинных качеств ($\beta = 0,342$, $t = 3,804$, $p = 0,000$), $R^2 = 0,394$. Чем больше юноши ощущают сходство с другими мужчинами и чем в большей степени признают у себя маскулинные качества, тем выше у них самооценка.

У девушек самооценка предсказывается желательностью маскулинных качеств ($\beta = -0,457$, $t = -4,398$, $p = 0,000$), сходством с образом типичного мужчины ($\beta = 0,354$, $t = 3,347$, $p = 0,001$), маскулинными качествами типичного мужчины ($\beta = -0,240$, $t = -2,650$, $p = 0,010$) и маскулинностью ($\beta = 0,231$, $t = 2,067$, $p = 0,042$), $R^2 = 0,285$. Самооценка девушек тем выше, чем выше ее сходство с образом типичного мужчины и выраженность маскулинных качеств и, одновременно, чем менее желательными она считает маскулинные качества и чем менее маскулинными она видит типичных мужчин. Чем ниже самооценка девушек, тем более желательными они считают маскулинные черты и чаще приписывают эти черты типичному мужчине.

Доля объясняемой регрессии во всех случаях невелика, так как различные аспекты отношения к телу и самооценка могут быть связаны со множеством факторов, не учтенных в данном исследовании.

Обсуждение

Гипотеза о том, что гендерная идентичность прямо связана с оценкой влияния тела на качество жизни и удовлетворенностью телом, не подтвердилась. Ни у юношей, ни у девушек сходство с типичными мужчиной и женщиной не вносит значимого вклада в отношение к телу. Признание сходства со своей гендерной группой, скорее всего, не связано напрямую с большей ориентацией на социальные требования, предъявляемые к внешности, а характеристики тела не рассматриваются как значимые для гендерной идентичности.

Гипотеза об обратной связи фемининности и прямой связи маскулинности с показателями BIQLI подтвердилась частично.

Маскулинность прямо связана с показателями BIQLI у юношей и в целом по выборке. Это, возможно, объясняется тем, что выраженность инструментальных характеристик способствует положительной оценке влияния тела на разные аспекты жизни и удовлетворенности внешним видом. Уверенность в себе, честолюбие и целеустремленность предполагают признание общей ценности себя, включая и ценность собственного тела и меньшую зависимость от оценок окружающих, в том числе и от оценок внешнего облика.

Фемининность в целом по выборке и в группе девушек с оценкой влияния тела на качество жизни не связана. У девушек уровень показателей BIQLI может быть предсказан только самооценкой. Для мужчин «мужественность» тесно связана с телесными признаками (силой, ростом, размером пениса и пр.) и эта связь не подвергается сомнению и не имеет внутренних противоречий. Для юношей тело напрямую связано с гендером, а для девушек эта связь опосредуется самооценкой. Тело для девушек – это еще не гендер, если нет общего ощущения своей ценности.

Анализ отношения к телу у испытуемых, различающихся по соотношению фемининности–маскулинности, показал, что уровень BIQLI связан с гендерной типизацией – при высокой схематизированности гендерные различия оцениваются как очень значимые и захватывают, в частности, телесный облик, который тоже должен соответствовать традиционным стандартам мужественности и женственности. Возможно, гендерно типичные субъекты рассматривают тело как атрибут гендерной принадлежности, либо внимание к собственному телу усиливает гендерную схематизированность. Чем больше одно из измерений гендера превосходит другое, тем выше оценка влияния тела на все аспекты жизни. Имеющиеся данные не позволяют говорить о причинно-следственных связях между этими показателями, и на данном этапе можно лишь отметить их согласованность. Таким образом, гипотеза о прямой связи фемининности с оценкой значимости тела подтвердилась только для фемининных девушек и юношей. Во всех остальных случаях такая связь отсутствует.

И у юношей и у девушек удовлетворенность телом прямо связана с самооценкой. Как показал анализ вклада отдельных гендерных характеристик в самооценку, у юношей самооценка связана со сходством со своим гендером и с маскулинностью, а у девушек – со сходством с типичным мужчиной и с нежелательностью маскулинности. Отношение к фемининным качествам не связано с самооценкой.

Девушки с высокой самооценкой отмечают большее сходство с мужчинами, в большей степени удовлетворены своим телом и считают, что тело оказывает положительное влияние на качество жизни. Девушки с низкой самооценкой считают себя не похожими на типичных мужчин, но считают желательными маскулинные качества.

Можно говорить об отсутствии принимаемой гендерной модели у девушек, сходство с которой рассматривалось бы как желательное. В современной культуре еще не сложился достаточно определенный, непротиворечивый образ «типичной женщины», который бы оценивался как привлекательный для большинства женщин и девушек. В результате самооценка девушек строится вокруг образов мужчин и маскулинных качеств, которые являются более желательными. Самооценка юношей лишена противоречий в отношении гендерных характеристик – она прямо связана с оценкой сходства с образом типичного мужчины и описанием себя как носителя маскулинных качеств.

Полученные данные позволяют рассматривать неудовлетворенность телом у женщин как следствие противоречивого отношения к гендерным характеристикам своего пола. В исследуемой выборке девушки в большей степени, чем юноши, уверены в положительном влиянии тела на качество жизни и, одновременно, испытывают большую ситуативную неудовлетворенность телом. Это соответствует известным данным о большем интересе женщин к своей внешности и большем беспокойстве по поводу тела. Но при этом уровень показателей BIQLI у девушек связан только с уровнем самооценки и не связан с гендерными характеристиками. Можно предположить, что отсутствие связи показателей BIQLI с фемининностью определяется противоречивым отношением девушек к фемининным качествам. Они отмечают у себя эти качества, но, одновременно, считают маскулинные качества более желательными, чем фемининные.

Девушки и юноши отмечают большее сходство с гендерной группой, соответствующей паспортному полу, чем с другой гендерной группой, описывают себя как обладающих традиционными гендерными чертами. Вместе с тем и девушки и юноши хотят обладать маскулинными (инструментальными) качествами больше, чем фемининными (эмоционально-коммуникативными). Большая привлекательность маскулинности может быть объяснена большей ценностью инструментальности в современной культуре, предполагающей ориентацию на интеллектуальную активность, аналитические способности, индивидуализм, уверенность в себе, стремление к конкуренции и пр.

Набор качеств, считающихся фемининными и маскулинными, отражает представление о гендерной идентичности, существовавшее в 70-х годах прошлого века и, как представляется, изменившееся в настоящее время. Изменение происходит неравномерно, современные гендерные представления девушек сильнее отличаются от традиционных, чем представления юношей. Необходимо уточнение содержания фемининности и маскулинности, актуальное для современной отечественной культуры.

Полученные данные можно считать косвенно подтверждающими утверждение о влиянии культурных стереотипов на отношение к телу у женщин. Современная культура, несмотря на усилия феминисток, остается в значительной степени андроцентрированной, что проявляется в большей требовательности по отношению к женскому телу, чем к мужскому. «Американские мужчины предрасположены ценить и позитивно относиться к своему телу, в то время как американские женщины предрасположены относиться к своему телу амбивалентно, а значит, и не принимать его» [Бэм, 2004, с. 222].

Полученные результаты показывают, что слова Бэм справедливы и для России. Гендерная асимметрия в отношении к телу заставляет женщин следовать противоречивым и невыполнимым требованиям – стремиться к большей худобе и стройности, стремиться быть похожей на мальчика и, тем не менее, стремиться быть женственной – не быть такой, как мужчины. Одновременное выполнение этих требований невозможно, что провоцирует у женщины постоянное недовольство своим телом. «С одной стороны, линза гендерной поляризации побуждает женщин акцентировать свои природные половые различия, чтоб совсем не походить на мужчин. С другой стороны, линза андроцентризма побуждает их минимизировать свои же половые отличия... чтобы выглядеть не слишком по-женски» [Бэм, 2004, с. 223]. Согласно исследованию Т.А.Ребеко [Ребеко, 2010], репрезентация телесности молодых женщин размыта и образы реального и идеального тела актуализируют оценку различных параметров тела, что, как представляется, связано с общей противоречивостью требований культуры к женскому телу и большей зависимости от культурных стандартов в молодом возрасте.

Однако действие этих требований, как показали полученные данные, опосредовано уровнем самооценки – девушки с высокой самооценкой менее подвержены влиянию внешних требований и критериев, что ведет к большему принятию тела.

Полученные результаты требуют дальнейшей проверки на большей выборке с учетом большего количества данных – профессии, этнической принадлежности, удовлетворенности отношениями с противоположным полом, физическими данными и другим характеристиками, которые потенциально могут быть связаны с отношением к телу.

Выводы

Оценка влияния тела на качество жизни и удовлетворенностью телом не связаны напрямую с гендерной идентичностью.

Уровень удовлетворенности телом связан только с самооценкой, а самооценка и у юношей и у девушек связана со сходством с мужской гендерной группой.

При гендерной типизированности оценка влияния тела на качество жизни определяется только выраженностью гендерных характеристик (фемининности у фемининных и маскулинности у маскулинных).

У гендерно не схематизированных юношей оценка влияния тела на качество жизни связана с маскулинностью, у гендерно не схематизированных девушек – с самооценкой.

Литература

Баранская Л.Т., Ткаченко А.Е., Татаурова С.С. Адаптация методики исследования образа тела в клинической психологии // Образование и наука. Известия УрО РАО. 2008. N 3(51). С. 63–69.

Баранская Л.Т. Социокультурные стандарты образа тела как факторы риска личностных расстройств // Актуальные проблемы психологии активности личности. Краснодар: Изд-во Куб. гос. ун-та, 2009. С. 13–17.

Бендас Т.В. Гендерные исследования лидерства // Вопросы психологии. 2000. N 1. С. 87–95.

Берн Ш. Гендерная психология. СПб.: Прайм-Еврознак, 2001.

Бэм С. [Bem S.]. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М.: РОСПЭН, 2004.

Васильева Г.Н. Динамика психических состояний и самооценки подростков в процессе коррекции проблемной внешности // Психология телесности: теоретические и практические исследования. Пенза: Изд-во Пенз. гос. ун-та, 2005.

Клецина И.С. Гендерная социализация: учеб. пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 1998.

Ребеко Т.А. Гендерная идентичность и репрезентация тела у женщин // Психологический журнал. 2010. Т. 31, N 1. С. 15–31.

Черкашина А.Г. Самоотношение в структуре телесного самовосприятия студенток вуза // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12, N 5. С. 168–178.

Соколова Е.Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989.

- Abell S.C., Richards M.H.* The relationship between body shape satisfaction and self-esteem: An Investigation of gender and class differences // *Journal of Youth and Adolescence*. 1996. Vol. 25. P. 691–703.
- Barker E.T., Galambos N.L.* Body dissatisfaction of adolescent girls and boys: risk and resource factors. *The Journal of Early Adolescence*. 2003. Vol. 23. P. 141–165.
- Bem S.L.* Gender Schema Theory and Self-Schema Theory Compared: A Comment on Markus, Crane, Bernstein, and Siladi's "Self-Schemas and Gender" // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1982. Vol. 43(6). P. 1192–1194.
- Brown T.A., Cash T.F., Mikulka P.J.* Attitudinal body-image assessment: Factor analysis of the body-self relations questionnaire. *Psychological Assessment*. 1990. Vol. 55. P. 135–144.
- Cafri G., Thompson J.K., Ricciardelli L., McCabe M., Smolak L., Yesalis C.* Pursuit of the muscular ideal: Physical and psychological consequences and putative risk factors // *Clinical Psychology Review*. 2005. Vol. 25. P. 215–239.
- Cash T.F., Pruzinsky T.* (Eds.). *Body images: Development, deviance and change*. New York: Guilford Press, 1990.
- Cash T.F., Melnyk S.E., Hrabosky J.I.* The assessment of body-image investment: An extensive revision of the Appearance Schemas Inventory // *International Journal of Eating Disorders*. 2004. Vol. 35. P. 305–316.
- Cohane G.H., Pope H.G.* Body image in boys: a review of the literature // *International Journal of Eating Disorders*. 2001. Vol. 29(4). P. 373–379.
- Connors J., Casey P.* Sex, body-esteem and self-esteem // *Psychological Reports*, 2006. Vol. 98. P. 699–704.
- Crocker J., Major B.* Social stigma and self-esteem: the self-protective properties of stigma // *Psychological review*. 1989. Vol. 96. P. 608–630.
- Cusumano D.L., Thompson J.K.* Media influence and body image in 8–11-year-old boys and girls: A preliminary report on the Multidimensional Media Influence Scale // *International Journal of Eating Disorders*. 2001. Vol. 29(1). P. 37–44.
- Dionne M., Davis C., Fox J., Gurevich M.* Feminist ideology as a predictor of body dissatisfaction in women // *Sex Roles*. 1995. Vol. 33(3–4). P. 277–287.
- Dohnt H., Tiggemann M.* The Contribution of Peer and Media Influences to the Development of Body Satisfaction and Self-Esteem in Young Girls: A Prospective Study // *Developmental Psychology*. 2006. Vol. 42(5). P. 929–936.
- Durkin S.J., Paxton S.J.* Predictors of vulnerability to reduced body image satisfaction and psychological wellbeing in response to exposure to idealized female media images in adolescent girls // *Journal of Psychosomatic Research*, 2002. Vol. 53. P. 995–1005.
- Fallon A. E., Rozin P.* Sex differences in perceptions of desirable body shape // *Journal of Abnormal Psychology*, 1985. Vol. 94. P. 102–105.
- Featherstone M.* Body, Image and Affect in Consumer Culture // *Body and Society*. 2010. Vol. 16(1). P. 193–221.
- Featherstone M.* 'Introduction', Special Issue on Body Modification // *Body and Society*. 1999. Vol. 5(2–3). P. 1–13.

- Feingold A., Mazzella R.* Gender differences in body image are increasing // *Psychological Science*. 1998. Issue 9. P. 190–195.
- Field A.E., Colditz G.A., Peterson K.E.* Racial/ethnic and gender differences in concern with weight and in bulimic behaviors among adolescents // *Obesity Research*. 1997. Vol. 5. P. 447–454.
- Garner D.M.* The 1997 body image survey results // *Psychology Today*. 1997. Vol. 30. P. 30–44.
- Gillen M.M., Lefkowitz E.S.* Gender Role Development and Body Image among Male and Female First Year College Students // *Sex Roles*. 2006. Vol. 55(N 1–2). P. 25–37.
- Gimlin D.* Accounting for Cosmetic Surgery in the USA and Great Britain: A Cross-cultural Analysis of Women's Narratives // *Body and Society*. 2007. Vol. 13(1). P. 41–60.
- Grogan S.* *Body image: Understanding body dissatisfaction in men, women and children*. London: Routledge, 1999.
- Hargreaves D.A., Tiggemann M.* “Body images for girls”: A qualitative study of boys’ body image // *Journal of Health Psychology*. 2006. Vol. 11. P. 567–576.
- Henderson-King E., Henderson-King D.* Media effects on women’s body esteem: social and individual difference factors // *Journal of Applied Social Psychology*. 1997. Vol. 27(5). P. 399–417.
- Jones D.C., Vigfusdottir T.H., Lee Y.* Body image and the appearance culture among adolescent girls and boys: An examination of friend conversations, peer criticism, appearance magazines, and the internalization of appearance ideals // *Journal of Adolescent Research*. 2004. Vol. 19. P. 323–339.
- Jones D.C.* Body image among adolescent girls and boys: A longitudinal study // *Developmental Psychology*. 2004. Vol. 40(5). P. 823–835.
- Lancelot C., Kaslow N.J.* Sex role orientation and disordered eating in women: A review // *Journal of Social Psychology*. 1998. Vol. 138(6). P. 744–752.
- Levine M.P., Smolak L., Hayden H.* The relation of sociocultural factors to eating attitudes and behaviors among middle school girls // *Journal of Early Adolescence*. 1994. Vol. 14(4). P. 471–490.
- McCabe M.P., Ricciardelli L.* A Sociocultural influences on body image and body changes among adolescent boys and girls // *Journal of Social Psychology*, 2003. Vol. 143(1). P. 5–26.
- McCabe M.P., Ricciardelli L.A.* Body image dissatisfaction among males across the lifespan: A review of past literature // *Journal of Psychosomatic Research*, 2004. Vol. 56(6). P. 675–685.
- Morrison T.G., Morrison M.A., Hopkins C., Rowan E.T.* Muscle mania: Development of a new scale examining the drive for muscularity in Canadian males // *Psychology of Men and Masculinity*. 2004. Vol. 5. P. 30–39.
- Muth J.L., Cash T.F.* Body-image attitudes: What difference does gender make? *Journal of Applied Social Psychology* 1997. Vol. 27. P. 1438–1452.
- Pasha G. Golsheko F.* Relationship between socio cultural attitudes, appearance and body dissatisfaction among students of Islamic Azad University // *Journal of Applied Sciences*. 2009. Vol. 9(9). P. 1726–173.
- Paxton S., Sculthorpe A.* Disordered eating and sex role characteristics in young women: Implications for sociocultural theories of disturbed eating // *Sex Roles*. 1991. Vol. 24(9–10). P. 587–598.
- Presnell K., Bearman S.K., Stice E.* Risk factors for body Dissatisfaction in adolescent boys and girls: A prospective study // *The Journal of Early Adolescence*. 2004. Vol. 23(2). P. 141–165.

Robinson J.P., Shaver P.R., Wrightsman L.S. Measures of personality and social psychological attitudes. San Diego: Academic Pr., 1991.

Schooler D., Ward L.M. Average Joes: Men's relationships with media, real bodies, and sexuality // *Psychology of Men and Masculinity*. 2006. Vol. 7. P. 27–41.

Thomas K., Ricciardelli L.A., Williams R.J. Gender traits and self-concept as indicators of problem eating and body dissatisfaction among children // *Sex Roles*. 2000. Vol. 43(7–8). P. 441–458.

Unger R.K. Toward a redefinition of sex and gender // *American Psychologist*. 1979. Vol. 34(11). P. 1085–1094.

Williams J.E., Best D.L. Sex stereotypes and intergroup relations // S.Worchel, W.G.Austin (Eds.). *Psychology of intergroup relations*. Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 244–259.

Woodiea D.S., Fromuth M.E. The relationship of hypercompetitiveness and gender roles with body dysmorphic disorder symptoms in a nonclinical sample // *Body Image*. 2009. Vol. 6(4). P. 318–321.

Поступила в редакцию 14 апреля 2011 г. Дата публикации: 18 августа 2011 г.

[Сведения об авторе](#)

Улыбина Елена Викторовна. Доктор психологических наук, профессор кафедры общих закономерностей развития психики, Институт психологии им. Л.С.Выготского, Российский государственный гуманитарный университет, ул. Миусская, д. 6, 125993 Москва, Россия.
E-mail: ulib@mail.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Улыбина Е.В. Связь отношения к телу с гендерными характеристиками в юношеском возрасте [Электронный ресурс] // *Психологические исследования: электрон. науч. журн.* 2011. N 4(18). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг). 0421100116/0038.
[Последние цифры – номер госрегистрации статьи в Реестре электронных научных изданий ФГУП НТЦ "Информрегистр". Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

[К началу страницы >>](#)